

КИЙ

Превзойти, но не обойти

Футуристическая поэзия в России не пользуется широкой симпатией. Главнейшая причина этого заключается, вероятно, в том, что ее первое пришествие было слишком малосодержательно, шумно и скоропалительно. Малосодержательность, несомненно, обуславливалась самым временем, общественной реакцией, когда все лучшее в смысле идеалистическом должно было ютиться в глубоком подполье. Футуристы же были на поверхности и стремились занять место классиков, но на поверхности жизни была лишь муть, которую и опоэтизировали новые поэты. Их критиками могли быть или буржуазные или социалистические писатели, те и другие воспитанные на поэзии классиков своих и иностранных, а вторые, кроме того, строго относившиеся не только к формам, но и к содержанию стихотворений.

Содержание же первоначальных стихов футуристов было пустошно, незначительно, как пустошна и незначительна была по своим идеалам цензурная жизнь, если можно так выразиться, реакционной поры, а своей формой они только возмущали слух тех, кто привык лишь к размеренной поэзии классиков. Возмущали также и шумные претензии новаторов на их признание, и забвение предшественников, к которым они относились слишком «непочтительно», не так, как читатели и слушатели их поэт.

Наиболее крупным, даровитым и содержательным из футуристических поэтов нужно считать т. Маяковского, который от пустячков сумел дойти до революционных поэм.

Красота и музыкальность, конечно, дело и вкуса, и к новым выявлениям того и другого неизбежно нужно сначала привыкать, а так как среди поэтов-футуристов были и бездарности, которые лишь смешили своими нелепыми новшествами и воль-

ностями, то естественно, что даже и подлинные художественные красоты футуризма не признавались и не пользовались правом гражданства.

Сам т. Маяковский высоко оценивает и себя, и свою поэзию, справедливо претендуя на право новаторства. Вот несколько иллюстраций этому.

Мир огромив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвухлетний...
Я,
златоустейший
чье каждое слово
душу новородит,
именинит тело...

Сказано сильно и характерно для футуризма, шумно выходявшего на свет белый, который сторонился всякой поэзии, кроме классической.

Но в чем же сущность поэзии т. Маяковского?

Он прежде всего поэт города, певец городской жизни, городских музыки, ритма и темпа. Его поэзия одновременно и холодная, и жаркая, но говорит больше уму, а не чувству, потому что даже и самые чувствительные места в ней как бы взвешены сознанием, пропущены через разум. Разве не такова же и жизнь города, который полон контрастов внешних и внутренних и рассудочен даже в тончайших эмоциях?

Пусть земля кричит, в покое обабившись:
«Ты зеленые весны идешь насиловать!»
Я брошу солнцу нагло осклабившись:
«На глади асфальта мне хорошо грассировать!»

Это как бы своего рода вызов поэзии, вдохновляющейся, главным образом, красотами природы.

Ведь мягкие луны не властны над нами,
Огни фонарей и нарядней, и хлеще...
Мы солнца приколем любимым на платье,
Из звезд накуем серебрящихся брошек...
Мы,
каторжане города лепрозория,
где золото и грязь изъязвили проказу, —
мы чище венценосного лазорья,
морями и солнцами омытого сразу!..

В творчестве т. Маяковского преимущественно общественные и сатирические мотивы, разнообразные по форме и содержанию.

Если сверху смотреть — разинешь рот.
И взиграет от радости каждая мышца.
Россия — сверху прямо как огород,
Вся наливается, цветет и пышится.

Это меткая характеристика России дореволюционного и предвоенного времени, когда у нас особенно процветали хищения и взяточничество.

...вытелятся и вытянутся какие-то дети,
мальчики — бухгалтеры,
девочки — помощницы, те и те
будут потеть, как потели эти.
Потеете и трудитесь,
трудитесь и потеете.

Разве эти строки не характерны для изображения обывательско-обыденной сутолоки? Но эта строфа интересна также и по строению, так как своим ритмом, сочетанием слов и звуков как бы передает самую сутолоку, в которой даже и язык путается, точно в сетях какого-то фатума обыденщины.

Автор враг обыденщины и не только личной, но и общественной, так как у него свои идеалы, свои отношения в жизни того, теперешнего и будущего времени. Он, например, еще в 1914 г. писал:

Где глаз людей обрывается куцый
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

Поэт не просто только брод в жизни, как большинство людей, а оценивал ее и умозаключал от нее, давал свои синтезы ей и, кроме того, колоритные образы им, как, например, в своей лучшей поэме «Война и мир».

Над ними
бутыли,
восхищающие длиной...
Под ними
бокалы
пьяной ямой...
Врачи
одного
вынули из гроба,
чтобы понять людей небывалую убыль:
в прогрызанной душе
золотопальным микробом
вился рубль...

Сразу
 железо рельс всочило по жиле
 в загар деревень городов заразу.
 Где пели птицы — тарелок лязги.
 Где бор был — площадь стодомым содомом.
 Шестиэтажными фавнами ринулись в пляски
 публичный дом за публичным домом.

Разве это не может быть образцом рельефного по образности синтеза капиталистического строя, захватывающего даже и деревенскую тишь? Чем заполнена деловая и праздная жизнь буржуазного цвета, вершителей буржуазного царства, как не рублем да кутежом? Не меньшей выпуклостью и лаконичностью отличается описание и самой войны.

В широко развороченную рану полка
 раскаленную лапу всунули прожекторы,
 Подняли одного
 бросили в окоп, —
 на ноже который!
 Библиец лицом,
 изо рта
 ряса:
 «Вспомните!»
 За вы!
 При Понтийстем Пилате!
 А ветер ядер
 в клочки изорвал
 мясо и платье.
 «Упокой, Господи, душу усопшего раба твоего».
 Выдернулась из дыму сотня голов.
 На смерть заплаканных глаз им!
 Заволокло
 Газом.

Здесь и техника войны, и обман, и «награда», а в целом жуткая картина ненужных жестокостей даже и по своей неведомости для большинства. Вот и еще (из другой поэмы) не менее колоритное изображение войны.

Войне ли думать:
 «некрасиво в шраме».
 Ей ли жалеть
 городов гиль
 как хороший игрок,
 раскидала шарами
 смерть черепа
 в лузы могил.
 Горит материк.
 Страны нет.

Раскидать черепные шары в лузы могил — это один из редких по яркости и характерности образов, которые для всякой литературы являются своего рода подарком. Пушкины за время империалистической войны великолепно сыграли роль бильярдных киев.

А вот и результаты всего из той же поэмы «Война и мир»:

А когда затихли
 все кто нападали,
 лег
 батальон на батальоне,
 выбежала смерть
 и затанцевала на падали:
 балета скелетов безногая Тальони.
 Танцует.
 Ветер из-под носка,
 Шевельнул папахи,
 обласкал на мертвом два волоска,
 и дальше —
 попахивая.
 Пятый день
 в простреленной голове
 поезда выкручивают за изгибом изгиб.
 В гниющем вагоне
 на сорок человек —
 четыре ноги.

Хорошо? Это потрясает и теперь, и всегда. Но поэт не только описует содрогающе, а и знает, верит, что жизнь и люди станут иными.

Колоритны у него также и картины революционной борьбы.

Пучками орлиных перьев подбитые
 падают городские,
 Сдается столицы горящий остов,
 По чердакам раскинули поиск.
 Минута близко.
 На Троицкий мост вступают толпы войск
 Скрип содрогает устои и скрепы
 Стиснулись
 Бьемся
 Секунда!
 и в лак
 заката
 с фортов Петропавловской крепости
 взвился огнем революции флаг.

Отношение поэта к революции не только положительное, но он живописует ее, переживает и кроме всего умозаключает от нее, что можно видеть хотя бы из следующего:

Последние пушки грохочут в
 кровавых спорах
 последний штык заводы гранят...
 Это над взбитой битвами пылью,
 над всеми, кто грызся, в любви
 изверясь
 днесь
 небывалой сбывается былью
 социалистов великая ересь!

Из крупных произведений т. Маяковского есть еще «Мистерия Буфф», в котором поэт сделал попытку героическо-эпического и сатирического изображения революционного времени. Эта поэма не из лучших и не выдержана, так как местами сжата до схематичности, местами растянута, а поэтому местами суха, местами скучна. Хорош в ней пролог семи пар нечистых, которые представляют собой пролетариат.

Это об нас взывала земля голосом пушечного рева.
 Это нам взбухали поля кровями опоены.
 Стоим
 исторгнутые земного чрева
 кесаревым сечением войны.

Немного здесь слов, но они дают жуткую картину империалистской войны, которая, действительно, была кровавой операцией над рабочими со стороны буржуазии и ее правительств.

Нам написали Евангелие
 Коран
 Потерянный и Возвращенный рай
 и еще
 и еще
 многое множество книжек —
 каждая радость загробную сулит умна и хитра.
 Здесь
 на земле хотим
 не выше жить
 и не ниже
 всех этих елей, домов, дорог, лошадей и трав.
 Нам надоели небесные сласти —
 хлебище дайте жрать ржаной!
 Нам надоели бумажные страсти —
 дайте жить с живой женой!

Во всех революциях и тем более в нашей крестьянство играло громадную роль, но о нем в поэме не говорится ни слова, и это делает ее слишком однотонной и мало цветистой.

Сцены с раем и адом больше удлиняют поэму, чем придают ей красоту, но сопоставление адских мук, которые столь еще популярны среди верующих, с тем, что имеется в действительной жизни, может отрезвлять и отвращать от религиозных суеверий.

У нас как пустит удушливым газом,
 вся степь от шинелей становится серою,
 дивизия разом валится наземь...
 Бывало
 в атаке
 три четверти выломит
 в одно дуновенье огнем пулеметным...

Так кузнец и батрак аттестуют землю сатане, пугающему их, «нечистых», кипящей серой и вилами ада. Что касается рая, то он вышел совсем бледноват. Кончается поэма призывом и приступом «нечистых» к труду.

Трудом любовным
 приникнем земле
 все
 дорога кому она.
 Хлебтесь поля!
 Дымьтесь фабрики!
 Славься!
 Сияй!
 Солнечная наша
 Коммуна!

За последнее время т. Маяковским написана еще одна большая поэма под заглавием «Сто пятьдесят миллионов», изображающая нашу Октябрьскую революцию. Эта поэма написана с обычным для автора мастерством и с большим подъемом, а поэтому отличается выразительностью и колоритностью.

Идем на подвиг
 труднее божеского втрое
 творившего
 пустоту вещами даруя
 А нам
 не только новое строя
 фантазировать
 а еще надинамитить старое.

Русская революция не только величайшая в мире, но и труднейшая по обстановке борьбы и по сложности задач разрушения и создания.

Россия
 Вся
 единый Иван
 и рука
 у него —
 Нева
 а пятки — каспийские степи.
 Идем
 идем идем!

Автор образно олицетворил нашу революцию крестьянством, что, конечно, не верно, так как душой революции был не Иван, не деревня, а город, но тем не менее это придает определенную картинность поэме. Стоит, например это место сопоставить хотя бы со следующим:

Чего полезли губерний туши
 из веками намеченных губернаторских зон? —

как получается грандиозная картина революционного движения положительно по всей России, по всем ее уголкам.

В поэзии Маяковского доминирует ритм, а разве это не есть отражение действительности? В реальной жизни ритм на каждом шагу, ритм слуховой, ритм зрительный, ритм воображаемый или образный. Ритм хотя бы уличного движения разве можно всегда уложить в общепринятые размеры классической поэзии? Он многообразен и сам по себе, и многообразно может быть отношение к нему каждого из поэтов, как и каждого из читателей. Новая ритмическая поэзия и может дать больше технических возможностей для художественного изображения жизни, чем классическое мастерство. В переносном смысле все имеет свой ритм, например, война, революция, вселенная и т. д. Здесь то же самое, новая поэзия может дать больше возможностей для передачи хода, например, исторических процессов, чем классическая, не по содержанию, конечно (содержание может быть значительным и пустяшным тут и там), а по выразительности, движению, музыкальности.

Конечно, ни сам т. Маяковский, ни вообще футуристы не претендуют на то, что ими сказано все возможное в новой поэзии, но тем не менее они проложили первые тропы к новому вольному стиху и ритму. Следовательно, превзойти их можно, но обойти уже нельзя, т. е. каждому поэту наших дней есть чего взять у крупнейших из них, тем более у т. Маяковского.

Клич футуриста,
 были б люди —

искусство приложится.
В рядах футуристов пусто.
Футуристов возраст — призыв.

Для поэзии, как и всего живого, есть один лишь непреложный закон — непрестанно двигаться вперед, пока не иссякнут источники и виновники творчества, люди, быт и природа.

Поэзия т. Маяковского не отличается нежными, мелодичными тонами, изяществом и выточенностью, и она как бы вытесана, громка и бурна, полна силы и ударности. По своему содержанию она бичующа и призывна, проникнута общественностью. Пусть подход к темам в ней анархистский, не классовый, но тем не менее она приемлема для пролетарской идеологии. В целом отношение к ней со стороны пролетариев вообще и пролетарских поэтов в частности может и должно быть положительным, тем более, что ритм и образ, свобода стиха в наше время уже не могут не претендовать на права гражданства. Этого, как суженого, уже не обойти и не объехать, а поэтому тем пролетарским поэтам, которые пытаются создать новое в поэзии, можно пожелать лишь скорей превзойти уже достигнутое в этом направлении.

